

— Да шёл бы ты поосторожнее! — Морис, внезапно поваленный на постель, почувствовал, как чужие руки крепко обхватили его за талию. Он невольно напрягся, и в сапфировых глазах мелькнула досада, смешанная со смущением.

— Поосторожнее с чем? — мягко улыбнулся Хань Цзин. Глядя на вновь обретшее холодность лицо, он так и не разжал объятий. — Поцелуй меня, Морис...

Морис на миг замер, упрекая себя за то, что собственной снисходительностью развязал Хань Цзину руки. Он отвёл взгляд и холодно отвернулся, но тут же почувствовал горячее дыхание у самого уха. Жгучий поцелуй опустился на шею, заставив сердце вопреки воле забиться чаще.

— Прости за вчерашнее. Я перегнул палку и был холоден с тобой... Но и ты в последнее время сам не свой. С чего вдруг такие вспышки гнева? На службе что-то не ладится? Если хочешь, поделись со мной... Морис?

Видя, что Морис по-прежнему упрямо отворачивается, Хань Цзин перестал его целовать. Он тихо, с мягким укором вздохнул — он никак не мог понять, какая муха укусила его партнёра.

— Ладно, сейчас важнее другое. Нужно составить план, как добраться до планеты Uiws и вытащить старшего сокурсника и остальных. Морис, раз уж сама Руна признала тебя Божественным посланником и твой статус столь высок, может, мы сумеем этим воспользоваться?

«Что со мной такое? — Морис содрогнулся, приходя в себя. — Размяк от нежности... позабыл о самом важном!»

Он укорил себя за секундную слабость. Из-за нахлынувших чувств к Хань Цзину он едва не лишился рассудка, которым всегда так гордился. Приподнявшись на постели, Морис нахмурился, и его взгляд вновь обрел прежнюю сосредоточенную ясность.

— Хоть Руна и признала меня, я ещё не стал полноценным Божественным посланником. Насколько я понял Фрейра, ближайшее время мне придётся провести в Святилище, чтобы принять её откровение. Как именно всё пройдёт, я и сам не знаю, но, к счастью, это ненадолго — недели две или три.

— Две-три недели? — у Хань Цзина болезненно сжалось сердце. Он всерьёз тревожился за судьбу Лэнса и остальных.

— Да, — кивнул Морис, заметив его беспокойство. — Но именно сейчас нам как никогда важно сохранять хладнокровие. Спешка лишь погубит всё дело. Мне удалось разузнать у Сивиса, что все сосланные на планету Uiws отщепенцы обязаны отработать там полгода, и лишь после

этого Руна вынесет им окончательный приговор.

Хань Цзин немного успокоился.

— Значит, время у нас есть... Но чтобы вытащить их, у нас будет всего одна попытка. Против такой развитой цивилизации дважды выступить не удастся.

— Именно, — твёрдо произнес Морис. — Ошибиться нельзя. Мой план таков: как только освободим Лэнса и остальных, мы сразу же уйдём на Землю через Звёздные врата. Но есть одно важнейшее условие: прежде чем идти на выручку, нам необходимо отыскать те самые врата, которые ведут домой. Иначе мы просто спугнём их.

Хань Цзин вспомнил об упрощённых Звёздных вратах, что были раскиданы по всей этой планете.

— Те серебристо-серые врата, через которые мы прошли... Их конструкция очень похожа на ту, что была на Базе № 9. Может, они подойдут?

— Увы, нет, — возразил Морис. — Это всего лишь локальные порталы. Они способны переносить грузы и людей в пределах планеты, но им не под силу пробить миллионы световых лет и открыть проход к нашему Млечному Пути. Думаю, связать нас с Землёй способны лишь те исполинские Звёздные врата, что парят в открытом космосе.

— Но для этого нам понадобится целый звездолёт, Морис! — изумился Хань Цзин.

Морис слегка улыбнулся:

— Если уж в мире Аноид, среди бездонного космического вакуума, нашлись древние тёмно-синие Звёздные врата... значит, подобные порталы должны быть и в других секторах. Сивис как-то упоминал, что в каждой звёздной системе есть так называемые Радужные врата. То, что они называют Радужными вратами, и есть полноценные Звёздные врата. Уверен, рядом с планетой Uiwc тоже найдутся такие. Через них мы и вернёмся на Землю.

Морис говорил неторопливо, и в его спокойном голосе звучала такая несокрушимая уверенность, что Хань Цзин почувствовал, как унимается его собственная тревога.

Морис продумал всё до мелочей. Хань Цзин невольно залюбовался им. По идее, это он должен был оберегать Мориса, но выходило наоборот — тот сам выступал его защитником.

Внимая его детальному, взвешенному анализу, Хань Цзин мог лишь соглашаться. Однако упрямая мужская гордость не давала ему покоя. В конце концов он мягко, но настойчиво притянул Мориса к себе, увлекая его на тёплый водяной матрас, и лишь когда обнял его крепко-крепко, на душе наконец стало легче.

— Послушай, — озвучил Хань Цзин давно мучивший его вопрос. — Откуда ты знаешь их язык? Ты общаешься с чужаками так легко, словно всю жизнь говорил на нём.

Перед глазами Мориса вдруг промелькнула ослепительная вспышка. Он невольно вспомнил тот миг, когда его признала Руна, — бескрайнее море золотого света... Внутри зашевелилось нечто неопишное, смутное, но пугающе мощное.

Морис погрузился в себя и очнулся лишь тогда, когда Хань Цзин нежно коснулся его губ поцелуем. Страхнув оцепенение, он задумчиво произнес:

— Я и сам не знаю... Неужели в твоём сознании нет этого странного, неосознанного ощущения?

— Нет... — Хань Цзин покачал головой. В глубине глаз Мориса на мгновение отразилось нечто настолько щемящее, что у Хань Цзина болезненно сжалось сердце. Не понимая причин этой грусти, он лишь сильнее прижал его к себе и прошептал: — Я просто спросил, Морис. Всё хорошо.

Сам Морис, похоже, даже не заметил собственной отрешённости. Его разум словно вновь растворялся в бескрайнем золотом свечении. Взгляд затуманился; он неосознанно пытался ухватиться за этот неуловимый, едва проснувшийся внутри отклик.

У Хань Цзина тревожно заколотилось сердце. Длинные золотистые пряди шёлком рассыпались по красивому лицу Мориса, а в его остекленевших голубых глазах заплескались крошечные золотые искры.

— Морис? — Хань Цзин слегка похлопал его по щеке. — Морис, очнись!

— Хань Цзин... — тихо, словно издалека, отозвался Морис. Его туманный взгляд казался устремлённым сквозь пространство и время.

Перепуганный Хань Цзин встряхнул его:

— Морис, что с тобой?! Тебе нехорошо?!

Морис моргнул, и наваждение отступило. В сапфировых глазах снова появилось привычное ледяное спокойствие.

— Что случилось? — нахмурился он. Но, заметив на лице Хань Цзина неподдельную тревогу, Морис почувствовал, как щемящую пустоту внутри заполняет нежная, согревающая волна. Подавшись вперёд, он сам коснулся его губ.

— Что с тобой, Хань Цзин? — лукаво прищурился он, будто и впрямь ничего не произошло.

Хань Цзин облегчённо выдохнул, хотя в груди всё ещё скреблось нехорошее предчувствие. Опасения за Мориса не давали покоя. Он крепче обхватил его руками, вдыхая родной запах, растворяясь в этой мягкой, убаюкивающей нежности.

— Ничего... Всё в порядке. Просто дай мне тебя обнять.

Морис уткнулся лицом в его плечо. Тепло, разливающееся по телу, дарило покой, которого он был лишён слишком долго.

Они лежали в объятиях друг друга, увязая в этом сладком забытии. Почувствовав, как его мягко укладывают на водяной матрас, Морис слегка выгнулся навстречу, готовый отдаться ласкам Хань Цзина, но внезапный холод заставил его вздрогнуть. Хань Цзин отстранился, сел и бережно натянул на него пушистое одеяло.

— Я ведь обещал, что сегодня пальцем тебя не трону, — Хань Цзин с трудом обуздал вспыхнувшее желание, напоминая себе о недавнем недомогании партнёра. Он нежно поцеловал Мориса в лоб и нехотя поднялся с постели.

— Уходишь к себе? — Морис прижался спиной к подушкам, плотнее кутаясь в одеяло. В его голосе проскользнула тоскливая нотка, которую он не сумел скрыть.

— Приходится... Кстати, а где вообще моя комната? — Хань Цзин, будучи совершенно нагим, усердно обшаривал взглядом углы, пока наконец не выудил оттуда свою изумрудную тунику.

Глядя на его забавные поиски, Морис невольно улыбнулся, хотя ответил по-прежнему ровно:

— В самом конце коридора, дверь справа. В храме сейчас ни души, так что можешь идти хоть голышом. Там найдёшь одежду послушников.

— Ну уж нет! — рассмеялся Хань Цзин, натягивая куцую ткань. Не ожидая от вечно серьёзного Мориса подобных шуток, он шагнул обратно к кровати, подцепил пальцами его точёный подбородок и запечатлел на его губах долгий, требовательный поцелуй — якобы в наказание.

— Тебе не кажется, что мы ведём себя как тайные любовники? — хмыкнул он.

Внезапный напор смутил Мориса. Насилу совладав со взбудораженными чувствами, он сердито зыркнул на него и процедил:

— Вон отсюда!

Но как только Хань Цзин скрылся за дверью, комнату словно заполнил сквозняк. Морис почувствовал щемящую, необъяснимую пустоту. Он вновь лёг на постель, свернулся калачиком

под одеялом и осторожно положил ладонь на свой слегка округлившийся живот.

«Как же я раньше не замечал?..»

«Моё чувство к нему... оказалось куда сильнее и глубже, чем я думал»

Мысли путались. Морис перевёл взгляд на ночное небо за окном, где чистый лунный свет мешался со слабым золотистым сиянием, и тихонько вздохнул, хмуря брови.

Две яркие луны, разойдясь по разным сторонам небосвода, медленно растаяли в рассветных сумерках. На планете Нордик не было привычного солнца. Днём небо здесь затягивало нежно-сиреневой дымкой, сквозь которую лился мягкий, тёплый свет. Пейзаж напоминал старинную восточную гравюру, где тончайшие переходы полутонов подсвечены изнутри мягким сиянием.

Надев просторную тунику на римский манер, Хань Цзин остановился перед зеркалом. Шрамы на лице заметно затянулись и побледнели, потеряв былую багровую свирепость.

Незаметно пролетели две недели...

Проведя пальцами по отметине меж бровей, Хань Цзин мысленно подытожил это время. Жизнь текла на удивление мирно, хоть они и не теряли бдительности. Об их связи с Морисом никто не догадывался, а сам он, оставив в прошлом клеймо презираемого наторса, будто заново родился, приобщившись к жизни этой высокоразвитой цивилизации.

Жаль только, вызволить Риана пока не удавалось. Социальное устройство здешнего общества оказалось куда более жёстким и даже беспощадным, чем виделось со стороны. Не помоги ему Морис, Хань Цзин до конца дней оставался бы бесправным рабом.

И ради чего Руна установила такие законы? Разве справедливо делить людей на господ и слуг лишь по силе их веры?

Всё это казалось Хань Цзину несусветной глупостью. Он вообще сомневался, что мифическая Руна существует. Иначе с какой стати Божественным посланником нарекли Мориса? Тот, кто носит этот титул, обязан быть преданным фанатиком, готовым вручить Руне свою душу, чей разум и плоть без остатка пропитаны силой веры.

Хань Цзин не представлял, что это за «сила веры». Чужаки утверждали, будто её дарует сама Руна: чем истовее веришь, тем могущественнее становишься. Наторсов же считали обделёнными этой силой, а значит, нечестивцами, заслуживающими лишь презрения и рабских ошейников.

Но ведь Морис слыхом не слыхивал ни о какой Руне! Какое уж тут благоговение? И при всём этом его мощь превосходила даже способности Фрейра.

Абсурд, да и только.

«Но если меня причислили к наторсам... — подумал Хань Цзин. — Значит ли это, что и во мне дремлет та самая сила веры? Не её ли я ощущаю как зыбкое золотистое свечение во время ментального отклика?»

Он замер, так и не доправив складки туники. В памяти яркой искрой вспыхнуло слово «Атлантида».

Те немногие, кого коснулся феномен Атлантиды... Только они обладали способностью к ментальному отклику. Берджесс как-то предполагал, что технологии атлантов реагируют лишь на уникальный физиологический код — то ли на особый ген, то ли на специфическое биополе. Древняя цивилизация использовала эту совместимость как своего рода ключ доступа.

И сейчас лишь люди с этим феноменом могли сознательно управлять ментальным откликом.

Морис когда-то сумел настроиться на исполинские Звёздные врата — технологическое чудо Атлантиды. А здешние чужаки запускали свои упрощённые врата при помощи золотых амулетов, бывших, очевидно, замаскированными приборами. Тот золотой свет, разливавшийся при активации, до сих пор стоял перед глазами Хань Цзина. Неужели технологии атлантов и этого мира родственны? Ведь их малые врата и внешне, и принципом работы поразительно напоминали оригинальные Звёздные врата, разве что выглядели их блёклой копией.

Хань Цзин так глубоко ушёл в свои мысли, что опомнился лишь тогда, когда со стороны коридора донёсся тихий шорох раздвижных дверей. Поспешно поправив подол туники, он убедился, что выглядит пристойно, и распахнул дверь.

— Морис?

На губах Хань Цзина заиграла улыбка — он ждал этого визита. Быстро оглядев пустой коридор, он обнял Мориса за талию и увлёк его внутрь, прикрыв за собой дверь.

Морис был облачён в белую тогу. От ворота к плечу тянулась затейливая золотая вышивка, оттеняя бледную кожу, а на груди сияла массивная золотая пектораль. Он казался Хань Цзину безупречным изваянием: тяжёлые пряди светлых волос струились по плечам, а взгляд лазурных глаз веял таким высокомерным холодом, что Морис походил на неприступное божество. И это священное величие лишь распаляло в Хань Цзине желание подчинить его своей воле.

Стоило дверям сомкнуться, как они упали в объятия друг друга, деля долгий, тягучий утренний

поцелуй.

Морис крепко сжал пальцы Хань Цзина, вдыхая его тепло. Только так он мог унять подступающую к горлу дурноту, мучившую его с самого рассвета.

— Ты ничего от меня не скрываешь? — Хань Цзин отстранился и с тревогой взгляделся в его бледное лицо. — В последнее время на тебе лица нет. Особенно по утрам. Плохо спишь? Или... Атлантида снова давит на разум?

— Нет... — Морис отвёл взгляд, и Хань Цзин уловил секундную заминку. — Просто немного мутит по утрам. Вот и встаю раньше обычного, чтобы не лежать без дела. — Морис слабо улыбнулся, но его пальцы, сжимавшие ладонь Хань Цзина, напряглись.

«Мутит?..»

У Хань Цзина перехватило дыхание. Он уставился на Мориса, сопоставляя факты. Они делили ложе каждую ночь, и талия Мориса действительно стала немного... плотнее? Но Хань Цзин боялся даже подпустить к себе мысль, от которой кровь стучала в висках.

Нет, это исключено. Он ведь расспрашивал его об этом раньше, и Морис отрезал любые расспросы столь резко и безапелляционно, что возвращаться к теме не хотелось. К тому же перед отправкой миссии SG-I весь экипаж прошёл строжайший медосмотр. Будь Морис беременным, это сразу бы выяснилось! Но... та ночь на базе. Он вёл себя так странно, будто совершенно лишился контроля над собой. Что, если?..

Сердце Хань Цзина совершило кульбит. Он замер, не зная, как начать разговор. Разум твердил, что это безумие и глупые надежды, но интуиция упрямо твердила обратное.

Морис почувствовал, как пальцы Хань Цзина резко, почти судорожно сжались, выдавая его внутреннее смятение.

Неужели он догадался?

Мориса охватила несвойственная ему растерянность. Чтобы скрыть смущение, он поспешно отвернулся, уставившись в окно.

Хань Цзин украдкой скользнул взглядом по его животу. Тот определённо округлился сильнее, чем во время их совместного отдыха в Юрике. Из-за свободных складок тоги это не бросалось в глаза, но теперь, присмотревшись, Хань Цзин уже не мог развидеть перемену.

Он нахмурился, перебирая в памяти подробности их недавних ночей. Сомнения крепили, но уверенности не было. Когда люди видятся каждый день, они часто не замечают, как их партнёры незаметно худеют или прибавляют в весе — взгляд попросту замыливается.

В этот момент золотистая дымка, окутывавшая Святилище, вспыхнула ярче, словно утреннее солнце пробилось сквозь пелену облаков. Тёплое сияние залило комнату, согревая их двоих. Хань Цзин прижмурился, пытаясь совладать с вихрем мыслей.

— Тебе приходится часами стоять на коленях в главном зале... Как ты это выдерживаешь? — наконец спросил он.

Последние две недели Морис ежедневно проводил по шесть часов в молитвах перед ликом Руны, пытаясь уловить её волю. Здешние ритуалы походили на фанатичное безумие земных средневековых сект.

Если Морис действительно... в положении, как он справляется с такими нагрузками?

Хань Цзин вглядывался в его лицо, и в груди заныла тупая, щемящая боль.

— Всё в порядке, — Морис привычно отмахнулся от расспросов. — Лучше подумай о себе. Пока меня нет рядом, будь осторожен. Поменьше говори и не привлекай внимания. — Он умело перевёл тему: — Ну а сам ты как? Насколько хорошо уже понимаешь местное наречие?

— Их технологии превосходят всё, что известно человечеству. Удивительно, но здешняя цивилизация до мельчайших деталей напоминает Атлантиду, какой её описывал Платон. Базовые знания и язык мне внедрили напрямую в мозг с помощью специального аппарата. Правда, мой разум едва справился с такой нагрузкой, так что изъясняюсь я пока с трудом.

Они неторопливо пошли к выходу из покоев.

— Это неизбежная плата, и я представляю, каково тебе пришлось... — Морис мягко улыбнулся, продолжая искусно направлять беседу в безопасное русло.

Он упорно молчал о собственных трудностях. Морис не желал тревожить Хань Цзина, по-прежнему стремясь оберегать его с позиции сильного лидера, старшего по званию. К примеру, когда речь заходила о ментальном переносе знаний, Морис умалчивал, что объём вливаемых в его голову данных превосходил лимит Хань Цзина в разы. Однако изменения, происходившие с его телом, утаить становилось всё сложнее. С каждым днём одежда сидела на нём всё плотнее, и вскоре Хань Цзин окончательно утвердится в своих подозрениях.

Да и Фрейр со своими жрецами рано или поздно всё поймут. Роль Божественного посланника не удастся играть вечно. Время стремительно утекало сквозь пальцы.

Морис нахмурился, заметив приближающуюся фигуру. Навстречу им шёл Фрейр. Его длинные сиреневые волосы колыхались при каждом шаге, а в глубине тёмно-фиолетовых глаз мерцал холодный, пронизательный блеск.

<http://bllate.org/book/19677/2006447>